

зано следующим образом. Латинский не служил бы многим так, как им служил бы народный: в самом деле, если мы освежим в памяти то, что обсуждалось выше, грамотные люди, не владеющие итальянским языком, не смогли бы воспользоваться этой услугой, а из тех, кто им владеет, – если толком приглядеться, кто они, – мы увидим, что даже один из тысячи не сумел бы должным образом им воспользоваться, так как эти люди его и не восприняли бы, настолько они склонны к скаредности, лишаящей их всякого духовного благородства, которое особенно стремится к такого рода пище. И, к посрамлению их, я утверждаю, что они и не должны именоваться грамотными, ибо грамотность они приобретают не для того, чтобы ею пользоваться, а лишь постольку, поскольку они посредством нее зарабатывают деньги или должности; подобно тому как не следует называть музыкантом того, кто держит цитру у себя дома не для того, чтобы на ней играть, а для того, чтобы отдавать ее напрокат за деньги. Итак, возвращаясь к нашей главной задаче, я утверждаю, что ничего не стоит удостовериться в том, что латинский комментарий был бы благодеянием лишь для немногих, народный же окажет услугу поистине многим. Ведь благорасположение души, на которое надеется моя услуга в этом пире, свойственно людям, предоставившим из-за пагубного небрежения словесность тем, кто превратил ее из госпожи в блудницу; здесь говорится о многочисленнейших князьях, баронах, рыцарях и многих других знатных особах, не только о мужчинах, но и о женщинах, говорящих на языке народном и не знающих латыни.

Далее, латинский не был бы подателем дара полезного, каковым будет народный. Ибо вещь полезна лишь постольку, поскольку ею пользуются, и качество ее, остающееся только возможностью, не обладает совершенным бытием, подобно золоту, жемчугам и другим сокровищам, находящимся под землей..., ибо вещи, которые находятся в руках скупого, находятся в месте еще более низком, чем та земля, в которой сокрыто сокровище. Поистине дар этого комментария – смысл тех канцон, для которых он написан, смысл, главная задача которого – направить людей к познанию и к добродетели, как это будет видно в прологе второго трактата. Этот смысл не может не принести пользу тем, кому свойственно истинное благородство, как это будет сказано в четвертом трактате; а люди эти почти все выражаются на языке народном, подобно тем знатным особам, которые перечислены выше в настоящей главе. И этому не будет противоречить, если среди них попадется и латинист, ибо, как говорит мой наставник Аристотель в первой книге «Этики», «одна ласточка еще не делает весны». Таким образом, очевидно, что народный комментарий принесет некоторую пользу, латинский же пользы не принес бы.

Далее, народный язык предложит дар не выпрошенный, которого латинский не дал бы, так как народный язык в качестве комментария даст самого себя, чего никто еще никогда от комментария не требовал, а этого нельзя сказать о латинском, так как язык этот часто призывали для комментариев и примечаний ко многим писаниям, что ясно видно из введений во многих сочинениях. Таким образом, очевидно, что добропоспешающая щедрость подсказала мне народный язык предпочесть латинскому.

X.

Велико должно быть оправдание в том случае, когда на пир со столь изысканными угощениями и со столь почетными гостями подается хлеб из ячменя, а не из пшеницы; требуется также очевидное основание, которое заставило бы человека отказаться от того, что издавна соблюдалось другими, а именно от комментирования на латинском языке. Основание это должно быть очевидным потому, что не может быть уверенности в конечном исходе всяких новшеств; в самом деле, не бывало еще никогда такого опыта, на основании которого можно было установить общую меру для развития и конечной цели даже в действиях для всех привычных и всеми соблюдаемых. Поэтому римское право, повелевая человеку вступать на новый путь не иначе как тщательно все взвесив, гласит: «Очевидным основанием для установления новшества должно служить то, что заставляет отступить от древнего обычая». Итак, никто не должен удивляться, если мое оправдание выльется в пространное отступление, но должен терпеливо перенести его пространность как необходимую. Продолжая это отступление, я утверждаю, после того как стало очевидным, почему я, во избежание неподобающего беспорядка и ради добропоспешающей щедрости, обратился к народному комментарию и отказался от латинского, – я утверждаю, что